

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ · МАРТ – ИЮНЬ 2003 ГОДА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

***

Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

***

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы стать сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

Гавриил Державин

Читающий антологии, альманахи и прочие собрания многочисленных стихотворных текстов не может не заметить – большинство авторов говорит об одном и том же и, увы, почти теми же словами, разве что расставленными в ином порядке. Другое и по другому говорят единицы – из них рекрутируются безумцы и гении. Правда, есть ещё «диффузники», т.е. те, кто привносит в тексты эстетику иного языка, иной культуры, и смена вех происходит, когда диффузия воспринята целым поколением поэтов. Но очень быстро новую методу осваивает и обесценивает большинство. В текстах авторов, представленных в этом номере, есть необходимая для полноты картины разность, а сумма этих разностей даёт возможность говорить о движении современной поэзии.

Литература – занятие не комильфотное. И отношения между литераторами строятся не по правилам хорошего тона. Выяснять, почему поссорились И.И. с И.Н. – дело Гоголя. Ссорятся же литераторы не только со своими современниками, но и с предшественниками. Похоже, что в настоящей литературе не существует прошедшего времени. «АКТ» предполагает, что читатель понимает право авторов на вольность мыслей, суждений, предположений без идеологической выдержанности и цензурных купюр. Всяк автор сам за себя ответчик.

Тамара Буковская

ОСЕНЬ 2

Воздух разреженный сединою,
В висках покалывает. Закрою
Глаза – кометы и звездный прах.
Золотая орда – осень в солнечном свете –
Бабье лето – старушечья тишина,
Немые кадры: гроб на лафете,
Дыханием медь одушевлена.

СТИШОК, ВИШНЕВАЯ КОСТОЧКА

Стишок, вишневая косточка,
В лоб норовит, да поглубже.
Как в детстве сядешь на корточки:
«Никто мне больше не нужен»,
И медленно, как у оленя,
Она прорастает корнями.
Похожее на мигрень,
Древесное время нулями
Всё стягивает мне голову
И вот распустилось – цветение
Подвластное тихому слову,
А в зеркале я и тень.

ДЕТСТВО. ЗООПАРК.

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

Замерзший пруд, чугунные ажур
На низкий градус ртутного столба
Так обжигающе помножены с утра,
Что клетки в зоопарке в снежном мыле,
Пустые обезьяньи города,
На санках дети: нежным словом «были»,
Все покрывается молочной коркой льда...

ОСЫ

*Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную....
Осип Мандельштам*

Злые осы гнилое мясо
С упоением нежно сосут.
И в душе моей медленный зуд
Смертной скуки. Скоромная ряса
Черной похоти. Пуст сосуд.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

В сизой тени в глубине дерев
С изумрудной бархатной изнанкой
Вынырнул из обморока лист,
Изогнулся томной куртизанкой.
Пьяным лепетом умелых дев,
Шелестом спадающего платья,
Лес наполнен до краев. Раздев-
Шись бросаюсь озеру в объятья.

АКВАРИУМ

Аквариум в углу на стойке бара.
Разнообразная сверкающая тара.
С шипением кофейная машина,
Пуская пар, взбивает молоко.
Куда-то тело с хрустом повлекло.
Еще немного и кажется колеса
Завертятся... быстрее, еще быстрее,
И замелькают за окном с откоса
Сбегающие... Но в окно капель
Стучит, как машинистка, не вникая,
О чем там речь за три шага до края:
Каренина, толпа, тоска, перрон,
С чугунной тяжестью накатывает сон...
Ваш кофе – бармена коварная улыбка,
Как водоросли, сумрачна и зыбка.
И золотые рыбки не спешат
Покинуть свою призрачную клетку.

ЗИМА

Как набухших чайнок испитого чая
Бархат первого снега ночной Серафим
На бензиновой тяге урча и мигая
Под колеса стрекочет немой кинофильм
Оставляя протекторный след на дороге
Ночь блуждала под утро и пьяная в дым
Завалилась в сугроб кверху синие ноги
Звезды бледные меркнут бело все белым.

ОСЕННИЙ НАТЮРМОРТ № 2

(Болдинская осень)

Осенний лист, как карта на руке
Тех тонких линий, что ведут по жизни.
Щекотно лизнут дождевые слизни
Гнилую сыроежку. В гамаке
Качает время старая кукушка
Облезлая. Перо, как из подушки,
Из той старушки колкое торчит.
И Пушкин – Кружку! – сквозь метель молчит

НОКТИОРН

Может это ёж, накачанный, как мячик,
Ночным кошмаром
До размеров Земного Шара,
Свернулся калачиком.
Может это сизая колючая щека отставного майора
На смятой убитой подушке.
Майор поевживается от холода
Под тонким сиротским одеялом,
Ему снятся – сын, уехавший в город,
Так и не разгаданный кроссворд
И лай умершего Мухтара.
А может это черный еловый лес,
Как лошадь в ночном,
По пояс в белом тумане,
Еле заметно переступает с ноги на ногу...

РЫБА ОБ ОДНОЙ РИФМЕ

Белый день закрывает пустые глаза
И я слышу как вечер жужжит как оса
В липких сумерках медленно дышит гроза
Я безжалостно жду продолжения сна
Вот стекло обожгла световая слеза
Это просто мне в жабры вонзилась блесна
Послеобеденный сон

ТАНГО

Ряд фонарей
Китайские желтые лица
Ты улыбаешься мимо
В вечность на детских салазках скользья
Медленный снег
Под грустное танго на землю ложится
Слов разобрать
За давностью лет уж нельзя
Что-то о черной
Прожорливой траурной птице
И Мандельштам
Королева с восточной осанкой ферзя...

СТРАШНЫЙ СОН

В Баден-Бадене парк перекопан,
Под дождем изнывает Курзал.
Достоевские русские скопом,
Как в предбаннике. «Пахнет укропом», –
По-немецки мне кто-то сказал.
В ржавой бочке мальков мельтешенье,
Старой дачи воскресшая грусть.
Это мне в страшно сне утешенье.
Никогда, никогда не вернусь.

ОСЕНЬ

...и взгляд на чем остановить,
Пейзажем мучимый осенним,
Не знаю. Разговора нить
В иголку проскользнула тенью,
И завязался узелок.
Дождя разобранная груда
Посыпалась наискосок
И излечила от недуга.

ЧЕХОВ

Чехов с устрицами в Ялте.
Что-то с дамами. Чахотка.
Ветер с моря гонит небо
Голубое в облаках.
Солнце то меня заметит,
То за домом ищет что-то,
То опять выходит в сад.
И тоска еще острее
С устрицами и с лимоном.
Томик Чехова у дамы
С папироскою в зубах.

СЛУЧАЙ НА ПОХОРОНАХ

Траурного марша
Медленные звуки
Над могилой свежей
Пышно расцвели.
Завитками фарша
Цвета незабудки,
Как из мясорубки,
Лезли из земли.
«Что это такое?», –
Взвизгнула мамаша.
«Черви, Ваша Милость,
Господи прости.»

ВЕЛОСИПЕД

Упругий ход велосипеда
Наматывает на звезду
Промасленную цепь. Я еду, –
Созвездье взято мной в узду.
Над головою млечным морем
Ночная жизнь во все края.
Фонарик освещает в поле
Дорожку. И над ней паря,
Лечу. И тихо, как кузнечик,
Стрекочут спицы по траве, –
Туман взбивает быстрый венчик.
С польною ветер в голове
Мешает мысли – горько, чисто.
И время встало как во сне.
И празднична, как трубочиста
Работа, там, на высоте.

ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ СОН

Паровоз пыхтя и толкаясь,
В переднике из железа,
Дымя своей папиросой,
Тащит куда-то вагон.
А там через поле – усадьба,
С французским налетом измена,
Муж, бросив все, уезжает,
Беспомощно вскрикнул клаксон.
Вишневое деревянное горло
Архангела Гавриила,
Как граммофон, исторгает
Чайковского-или-шансон.
Русские дачники в креслах
Вяло листают газеты,
И на них не спеша нападает
Послеобеденный сон

МЕЖДУ СЕГОДНЯ

Продленное чтение

между сегодня комар подточил основание, рухнуло здание пруха пошла, кавалер украл девицу незаметно

ссыпанулся на тесте, внимательно вник в содержанье прочитанного поздний срок беременности, куряк откормленный

перекур, метростроевец приналег компания блатная, девичий стан, обгаренный булат не те уста изблевали

жили долго, не так, скотил бабло колбасилась по клубам когда рядом нет человека спокойно и серная кислотича

силы зла замудохались, и слух прочищен, не хныкать за кого себя не принимай, вблизи испарина хлебороба

подмыла мысок, и намеренно нет контактов, испитый папа на плечи дочурку сажает, салют их походя ослепляет

еженощно по чатам гулял, грядет зануднейшая сцена постельная, нарочный послан, драчун под орех разоделан

уломал ее быстро, попал в кабалу и блестящее будущее за проступок ослушника сколь не пили золотые слова, сопли

утерты, откинута вдале коньки это продленное чтение поднята планка и время ушло, чтоб оттереть все это

Свидание с никем

между сегодня поджаты губы задыхаясь от бега, дабы подмазаться духовник причитает, ее треугольник плохо подстрижен, и связи распались

водрузи свое знамя, того прибабаса след простыл, стыдно, заделал ребеночка закладывал крепко, подрядчик отсюда латуты заделал, напарили сильно

передернуло от, нарезался, брякнул свиданка с никем явно убудочна у маленькой девочки вздорны косички и дергаются, мусaget присвистнул

за счет заведенья покрыты издержки свиданка с никем, засада полнейшая дело глухарь, и пленкой накрыто то, что хотелось, и благо, что все так

сверху сидела, моргнул пантократор заботой ее окружил, не держал свечу бритоголовый нацбол плевко растирает и туроператоры не доглядели

по глазам уже видно, бьет мимо цели погребение древнее не раскопано тухнет бесхвостая рыба, и теплотой те рыжеватые волосы пахнут

Новые горизонты

между сегодня паводок разливанный всплыли новые горизонты, сварщик калымит, парится оковалок

скрына посрипывает, кормежка сытная не особо, вцепилась мертвой хваткой, и пойманный частник жметса

доставить до, раздвинув бедра бояться ли заболеть, занять ребенка наброситься на, но кофе убега ведь

постирушку затеяли, обнаженка уже не заводит, вернуть должок бы ту сумму не наскрести, больно мажорист

визитер приподзвнившись, взял делега на себя орграсчеты, бестактно ляпнул с обезьянкой нежен фотограф пляжный

полет бреющий, взорван бомбардировщик средствами ПВО, наложено прочно изго предельного упрощения, гробик

обретается там, где набранный номер почты голосовой не включает ноль, а исключает, абонентский ящик в основе

своей доступен, открыта задвижка поддува, новые горизонты завидно открыты, сколько не рвись к ним

Ложка озона

между сегодня дышится легче ложка озона поднесена к штучка выламывается разваренная сарделька полушарии асимметричны ткань заманчиво облегла продрыхла горячка мстителю упредили приложился к ложке озона кадровик подмахнул неспроста озолотили моржевали на славу с ложки озона кормился мразматик замер на взводе зачес неухоженный прорежен подлесок с ложкой озона не жизнь, а подштаник закатан ситуация под контролем быстро задницу надрали хорошая музыка играет к плохой политике переход

Плохая политика

мужду сегодня трупы не трупы повешенный санкюлот, останки сипая понижий ландскнехт, повстанец зализывает раны

плохая политика портит, подведенные губы шевелятся, распущенный витязь снимает шелом, не доискаться кольчуги и копыеносца

в плохую политику влипли, плаха не простаивает, на экваторе эпидемия СПИДа, зависший «пень» так просто не перезагрузится

образ жизни спартанский, на подступах все полегли, бесхарактерный полководец отчитывается, ввязались в плохую политику, дальше некуда

если задуматься, флаг трепыхается с минарета палят, хата с краю подождена, с тыла рассеяны батальоны противника

и капитулируют, сперма капает густыми мазками, казнят изменника плохая политика узнается по запаху, битая смарт-карта

вмазали два торчка, шурует без устали сирена, взвод не в своей тарелке перхоть плохой политики, шквальный огонь ведется, приуныл дозорный

мешки под глазами, не нужные никому полчища сваливают, глазастый младенец агукает, не прибавляет смысла еще один жертвующий

Предвзятое мнение

между сегодня из многих мнений одно предвзятое, чудо в перьях бодрячок тип-топом, тяжелый бзик надо же так навернуться

стрельнули деньгу, тот приколост поделился мнением, в душегубке солони, дров наломали, курс оттянулся на всю катушку

дырень непролазна, глоток вискача уклонист держал особое мненье при себе, в покупке не прогадал от застенчивости так вышло

принято мнение большинства от марсианина в деве что-то на ходу подсечка, плечо содрогается от плача

обормот усталился, мнений двух быть не может, предвзято относился к выбору, стервеца обложили десятиэтажным

Давление свыше

между сегодня то ли парша то ли давление свыше стольник стрясли, падший обрел потерянное равновесье

счастье куется пока горячо от агона не отвертеться разведенцу бездетному не чужда тенденция к лишнему весу

спихнул работенку, внесен оживляж позарился на чужую недостаку, удочки смотаны, канат на сторону перетянут

заслужил суперкубок, отдушины нет без паспорта заявились тыквенной семечке так повезло коматозному припарка

ножки протянуты, быстро сменил уже две материнских платы огонь медленный, хиханьки да ха-ха залетевшей девчушки

выдавлен прыщик, кому-то милы прошлого пережитки много в непрошенном ровных мест не грех подскользнуться

на линии вызов задержан, издох каплун, втрепенулась копуша напрасен и пятый пеан, беспреддел продолжаться долго не может

сообщение заблокировано кое-как от скворцов столько помета сверху гнетет безнадега, ждать глупо движение снизу

всего обслонявил, с той лабудой вышла накладка, давление свыше отлажено, гол в те ворота втравили

Нефтяная слива

между сегодня очередюга рассосалась, товар с душком нефтяная слива сорвалась с ветви, дикое запустенье обрезанный газопровод где же катарсис кукуется коротышка беременная клуша невозмутима, сперматозоид малюсенький дел натворил мила зареванная мордашка жизнь никудашна, и тля летит лопаются нефтяная слива брызгнуло, удалась флэшка отчитали молокососа мысли медленно нагноились нашлось примененье инициативам зримое так обрюзгло катарсиса все нету сильно замотанный вид пылится на половице одна нефтяная слива еще одна, объятья равнодушно открыты

**ИЗ СБОРНИКА «ГОВОРИЮ»
(стихи 1999 г)**

***

а я говорю что
все мои слова
это не твои слова
и если я говорю говно то это говно
и если я говорю любовь то это любовь
не растопыривать же пальцы в пустом
воздухе
просто прислушайся
и все поймешь

***

Сколько стихов приходит за ночь,
это как с женщиной: пока не кончишь
идет движение ритм дыхание,
а как кончишь жди когда снова встанет.
Есть поэты-гиганты, у которых муза
затрахана до дыр – вся сплошь из спермы,
и слова — как семечки из арбуза,
а моя муза любит вермут,
посидеть с гостями за чашкой чая,
а ко мне приходит когда некуда деться
когда к ней пристают или она скучает,
не она для меня, а я для нее средство,
не я а она мои стихи пишет,
мою жизнь живет, мое дыхание дышит.

***

когда пройдет этот поезд
длинный тяжелый поезд
по старой железной дороге
похожей на крик дороге
где рельсы пахнут мазутом
липким летним мазутом
где провода и столбы
где время словно столбы
мальчик слушает поезд
длинный тяжелый поезд
на рельсы кладет гвозди
толстые жирные гвозди
пусть они станут ножами
безжалостными ножами
когда пройдет этот поезд
длинный как жизнь поезд

***

целый день я ломал стены
так что пыль поднималась клубами
и на зубах скрипела
как бранное слово
а на столе трахались мухи
ни на кого не обращая внимания
много их стало в доме
целый день я ломал то что строил
трещало дерево летели камни
а мухи жужжали от напряжения
и казалось кусали друг друга
Тут в дверь заглянул ребенок
сын соседей спросил
Что делают эти мухи?
И я перестал
выдергивать гвозди
оставил их в стенах – пусть прорастают
и пыль отряхнул со штанин

**ИЗ «БАШНИ ИЗ ЛЕПЕСТКОВ ВИШНИ»
(стихи 2001 г)**

***

Вчера я повесил картину на стену,
сегодня там твое пальто –
в кармане монета бумажка платок,
в рукаве вместо руки – шарф,
если пальто потрясти – зазвенит,
и посыпятся вниз мои дни,
потрясающие дни,
случайно попавшие вместе с шарфом
в рукав твоего пальто.
Если висит на стене пальто,
жизнь идет, потому что
пальто не ружье и не пулемет –
не выстрелит и никого не убьет.

***

А что это
мельтешит трепыхается
движется без остановки
похожее на каплю и муравья
крутится на ладони
как ртуть убегает
когда сжимаешь кулак?
Какого оно цвета
не понять,
не поймать никак,
может, его вовсе нет...
Но что тогда это?

***

Человека прозрачного,
с душой словно спелое яблоко,
с мыслью светлой как лампочка,
полного рыб человека,
нарисовали мы
и прозрачную женщину,
похожую на озеро,
с улыбкой словно бабочка
на листе кувшинки,
и кожей упругой,
как ветер на середине реки –
такие картины
нарисовали мы
на собственной коже,
чтобы их не забыть
когда вернемся домой.

***

Приходили сизые
облака, пронизанные иглами дождя,
злые облака, похожие на ежей,
срывали крыши ломали ветки,
стучали дождем, плевали в двери,
а когда уходили, ветром
словно тряпкой провели по небу,
и стал виден другой берег.

***

Пока я лежу спящий,
просыпается я настоящий,
дышит в ухо, теребит мой голос,
а затем уходит куда-то в тень
так что не дрогнет волос,
не колыхнется постель...
Хоть бы кто меня разбудил
чтобы я за ним проследил.

**ИЗ «ОГНЕННОГО ДВОРНИКА»
(стихи 2002 г)**

***

Осы над арбузом
крутят хоровод
сверлят дырки в небе
и жара течет
словно сок арбузный
медленная жизнь
оставляет корки
зеленые ножи
оставляет липкий
сахар на руках
на клеенке синей
тарелки облака
где семечками темными
плотно мы сидим
будто снова дома
и арбуз едим

***

Давным-давно
мы рисовали рыб
разноцветных,
желтых синих и фиолетовых
на круглых серых камнях.
Мы круглые серые камни
бросали в воду,
чтобы не было одиноко
реке,
унесшей тебя и меня,
теперь наши дети
ее переходят вброд,
поднимая ногами брызги,
распугивая мальков
разноцветных
желтых синих и фиолетовых.

***

Чудеса перестали случаться,
глина не лепится,
хлюпает будто плачет –
когда в резиновых сапогах
проходят последние дачники,
тихо едет осень-повозка
через леса и поля в полосу,
мимо солнца в белых повязках,
до развилки или развязки...
вечером будет ясно.

**НА ДАЧНОЙ ВЕРАНДЕ
В ОЖИДАНИИ ГОСТЕЙ**

Заговариваю этот воздух
от ос и мух,
такой жаркий
пластилиновый воздух,
полный насекомых,
но тень
не бросают слова...
поэтому я его заговариваю
листьями растений,
облаками,
руками
леплю ветер
и развешиваю на веранде
гирлянды цветных сквозняков:
пусть шелестят,
перемешивая запахи,
отгоняя насекомых
от праздничного стола.

5

***

Вот одно прошло мгновенье,
и еще одно пройдет.
То ли ветра дуновенье,
то ли птицы перелет.

Шелестит природа рядом,
слышу шорохи травы,
провожаю долгим взглядом
опадание листвы.

Никуда уже не деться –
тучи кроют небо мглой.
Потерялось наше детство
между небом и землей.

***

Александру Гершанику

Как трудно начинать
с конца, а не с начала.
Тому уж много лет,
а нам и лет-то мало.

Моральные долги,
моральные устои.
Твердишь себе: солги,
а думаешь – пустое.

Живешь себе, живешь
без лакомств и лукавства.
Глядишь, и молодежь
венчается на царство.

А ты, как ни при чем,
а ты, как не при деле, –
то ходишь нагишом,
то прячешься в шинели.

ПИСЬМО СИБИРСКОМУ ДРУГУ

Чем меньше тратишь, больше пьешь.
Трезветь нет времени. Недаром
Москву, спаленную пожаром,
отдали – что с нее возьмешь?

У нас обычные дела.
Кто ходит в должность, кто по кругу,
искусство перешло в науку,
наука в технику ушла.

Кому бедлам – кому Эдем.
Людей так много – нас так мало.
мы рады все начать сначала,
чтоб не исчезнуть насовсем.

Меняем мысли, внешний вид,
Господь, на нас взирая свыше,
молчит, и как его услышишь,
когда весь космос говорит.

***

При закрытых дверях
проходят наши встречи.
Откроешь дверь –
а там небо,
звезды, луна,
вечность
без прошлого и будущего,
без надежд и сожалений,
глубина такая,
что в ней можно утонуть,
раствориться, пропасть...
Но лучше
не открывать эту дверь
и не прерывать наши встречи.

***

Серее серого асфальт,
вдали поскрипывает алыт.
Сидит сапожник без сапог
и смотрит в небо, как пророк.
Идет старушка с прибабахом
крошить батон голодным птахам.
Проходит дервиш по бульвару,
проносит юноша гитару.
И то ли ангел, то ли птица
над нами медленно кружится.

***

Ума лишенные друзья,
Какой вам кажется стезя?
Петлей,
затянутою туго,
подобьем замкнутого круга,
витком пружины иль спирали –
в конце все тоже, что в начале.
Ума лишенные подруги,
от вас в восторге и в испуге
не только я, но все вокруг...
Что наша жизнь?
Петля и круг.

***

Владимиру Эрлю

Финал пьесы:
за одним столом
сидят старики –
за другим старухи,
играют в карты.
Занавес опускается,
в зале аплодисменты.

Финал другой пьесы
еще не написан,
но она
такая же интересная,
как и первая.

***

Проснешься, бывало...
А бывало и не проснешься:
так и спишь всю ночь,
ни о чем не ведая,
чист,
как младенец.
а проснешься,
так и пожалеешь об этом –
все скверно:
и дождь за окном,
и на работу пора...
Сегодня тоже, что вчера,
а завтра тоже, что сегодня...
Не то во сне:
и краски яркие,
и храм привидится,
и лето круглый год,
и никому ты не нужен:
живешь сам по себе,
и что приятно –
себя не видишь,
будто сон – зазеркалье,
вошел в него –
и ничего,
кроме души,
не осталось.

***

Не будь невеждой –
оставь надежду.
Приходишь в мир,
словно грек на пир.
Прилагая усилие,
ищешь рог изобилия.
Такой молодой,
а уже седой.

***

Жизнь сама по себе,
а мы сами по себе.
Дети родятся,
растут –
отроки,
юноши, –
входят в жизнь,
говорят:
вот наша жизнь.
А нас нет,
потому что
мы сами по себе,
а жизнь сама по себе.

***

Вот бывает,
откроешь дверь,
а за ней другая,
и ее откроешь,
и войдешь,
и увидишь –
это твой дом,
а дом-то
не твой.

***

Уходишь в никуда
приходишь ниоткуда
берешь справку
встаешь на учет
и ждешь своего часа.

***

Отчего так:
светлым-светло –
мрак?

Гроза
в глаза,
из ушей дым –
стал больным,
с понурым видом
городским инвалидом.
Соседка Нюша
говорит: «Кликуша».

Я бы и рад
сменить наряд,
согнувшись дугой,
стучать клюкой
и быть при этом
с большим приветом.

***

Наше время ушло,
а мы остались.
Дети стали большими,
а мы маленькими.
Время безразмерно,
а мы несуразны.
Все проходит,
а мы остаемся

***

Времени нет, а жаль.
Глянешь в окно – даль.
Выйдешь за дверь – зверь,
лощина, овраг, балка,
леший, ведьмак, русалка.
Путает бес кого-то,
тянет в свое болото.

25 декабря 2001 г

***
 чего паровозу
 двадцать четыре
 минуты
 подряд
 стоять
 ехать надо
 говорят
 есть смысл
 осмотреть
 поменять
 с центрального
 на печное
 не дорожим
 заботой такое
 в природе
 нашей
 ямщика
 погонять
 пугая пургою

25 декабря

***
 снегом завалены
 цветочки
 сушеные
 ягодки
 печеные
 грибочки
 соленые
 рюмочки
 зеленые

27 декабря 2001 г

***
 если утром
 чудесным образом
 добраться
 до Мантурова
 и поспеть
 на шарьинский
 поезд
 и там сесть
 на что-то
 такое
 и мимо всяких
 Ветлуг
 вдруг
 в Нижний
 явиться
 к Надежде Михайловне
 Бахваловой
 ах!
 вы не знаете
 Надежды Михайловны

утро 28 декабря 2001 г

***
 какая сука
 выпустила
 течную суку
 и где сука
 выпустившая
 течную суку

и где они теперь
 течная сука
 и та сука
 которая
 выпустила
 течную суку

30 декабря 2001 г

***
 передав мне
 маленький
 белый
 диск
 английского
 лекарства
 она энергичным
 движением
 выбросила
 дырявую
 упаковку
 и я выжил
 и даже
 короновался
 на царство

2 января 2002 года

***
 все это произошло
 вечером
 двадцать первого
 а двадцать второго
 первая волна
 вражеских
 войск
 во главе
 с Хирохисой
 прихлынула
 к воротам
 Электростали

**3 января 2002 года
 Аносово**

***
 без женщин
 в России
 не разобратся
 при Екатерине
 порядок
 в лосинах
 «оные налево
 оный направо»
 браво
 императрица
 браво

3 января 2002 г

***
 жила в лесу
 елочка
 срубили ее
 на бревнышко
 сунули
 в трейлер
 и увезли

в Голландию
 в теплые руки
 фермеров

7 января 2002 г

***
 поэт хороший
 человек
 невыносимый
 никуда
 не
 выносимый
 на месте
 сидит
 экономит
 силы
 и все
 бессильны

7 января 2002 г

***
 выиграем
 или проиграем
 войну личную
 либо гражданскую
 обнимемся
 и расстанемся
 закинув
 за плечи
 валенки

7 января 2002 года

***
 это очень хорошая
 женщина
 но какая
 разница
 если вперед
 уйдет
 и скорее всего
 не оглянется

7 января 2002 г

***
 перенадоел

7 января 2002 г

***
 Андрей!
 говорю я
 почему ты
 не носишь
 подаренную мною
 рубашку
 а почему вы
 не пишете
 мои
 стихи
 вот с таким
 и поговори

7 января 2002 г

***
 мне равнодушие
 нравится
 правда
 я должен
 к нему
 подготовиться
 я достаточно
 равнодушен
 но когда
 равнодушие
 полностью
 все-таки
 я должен
 к нему
 подготовиться

11 января 2002 г

***
 хочется
 у сестры поесть
 чего-нибудь
 вкусенького
 и вытянуть ноги
 на привычном
 диване
 и думать
 о любви
 и аварии
 без отчаянья
 если бы не
 шишка красная
 на голове
 маленького
 Вани

январь 2002 г

***
 рождественская
 звезда
 сидят
 на скамеечках
 молодые
 и старые
 старые
 всматриваются
 молодые
 стареют
 елка
 казенная
 в школе
 средней
 я на скамеечке
 слева третий

3 декабря 2002 г (??)

***
 принесли трусы
 с мороза
 и не сохнут
 и не распрямляются
 можно я останусь
 в доме
 голым
 не ругай меня
 моя
 красавица

ДОСТОЕВСКИЙ И КРИСТИНА,
СОВМЕСТНОЕ ПОСЛАНИЕ
МЁРТВОМУ ДОМУ

“достоевский талантливый шкет
крысу в жопку ку-ку
в магадане великих лет
потс висит на суку”
/автор, “биробиджан” /1974/
ант. т.2а, стр. см. по жел./

“и каторжный Федька стреляет дуплетом”
/ю.к. у.е.п./:
(Е.Попов, “Товарищ Ранцев”, “Панорама”,
№717, 4-10 января 1995, стр. 35)
– и в дупу, и, как понимаете, в “это” –
в невинную девочку тульских* равнин –
поэт каторжанин** эстет гражданин
* харьковских или валдайских
** картёжник, пардон

“уйди, двоежопка” – кричит он, рыча
из жопы ея вытекает моча
прочёвши де сада на школьной скамье
он сонечку валит на стол рекаме

настасья филипповна лёт нашатырь
на вставший приапа подобием штыря
а анна григорьевна, руки ломав:
– что скажет что скажет об этом молва?

молва же молчит и безмолвен народ
как пользовал федя ту девочку в рот
в отверстия иные – лишь прахов(?)
иль страхов(?)
об чём-то обмолвился.
послан был на хер

кровавые девочки пляшут в глазах
и кажут мне целочки кои прорвав
великий писатель ворвался мне в тыл
за коего каждый мне сделает втык

но каторжник федька ту крыску* ебя
(* см. слэнг, “девочка-минетка”)
навеки прославил тебя и себя
набокова он породил тем концом
торчат из лолиты завязки кальсон

пред тем ю.олеша на зависть завис
крутой по н.г.* небывалый замес
заместо за место под солнцем борьбы
напару с л.а.* эбёт бросов гробы
* чернышевскому, гоголю
** андреевым

и морщится соло один сологуб
брезгливо свой – хм – отводящий от губ
и навими чарами чорта попра
играл белендряся своё “пара-пап”

мамашею-прачкой быв больно секом
он тело не пачкал своим тесаком
заране к штыку приравнявши перо
сидит* с бородой до мудей внук перов
(* сидит и пердит /сердито пердит/;
имело место на конференции
достоевского в 1974-м, в музее
на кузнечном, где я служил
в должности «домового»)

в колодах /но орденских/ и в спинжаке
он высказал вслух своё громкое “кхе”
но взрос померанец в ответ на вопрос
побиты пегас волопас козопёс

одне козобёбы гремя о костяк
заполнили стадом весь край кустанай
в степях д-р кинзи* решает за секс
(* см.; не переведён)
он фермеров всех в скотобёбстве усек

секомый рекомый влекомый – туда
где вольно резвится в межгорье тува
где негры и чукчи морской зверё
увидши ебут по примеру зырян

крестина ты мой поросёнок немой
когда я люблю ты не хрюкай не вой
стоит над невою двухопое – пётр
а в харькове хрюкает в хоре* осётр
(* речка, а не “групповуха”)

твой ум не остёр да и мой уж увял
когда ты младенцем глаголешь: “уа”
и **уй** отверсты к ответу уста
и **виктор луй** как сама чистота

эпштейн признался – любил свою дочь
и книгу о том написать он не проч
(см. м.эпштейн, «отец»)
прочь мысли желанья прошлое – прочь
отдам за надежду с крестиною ночь

и рифма мужская и верен размер
зане пребываю давно в маразме
которым гаврила грешил – и в другом
он греции дочь попирает рогом

он раком и боком /и рыком и ртом/
как крейд расщепляет на части атом
а я всё пою – и всё чаще о том
о боги – атон и омон и онтон

прости меня братик кошерный антон
что принял на грудь я – ты съехал ап-таун
а я на берегу океана как кит
лежу кверху чревом и оное спит

в подвале где свечи горели твои
где плечи ея обнажились к любви
остался засохший /не в сперме/ гондон
гондваной отъехал дождавшись годо

говённые фильмы снимает годар
и правит россию правнук гайдар
царит над строною сплошной мойдодыр
и мойры протёрли всю мойву до дыр

и в мойку уже не впадает нева
сестрица листает страницы еван-
гелия и грудей жидкий гель
заполнит любую бойницу и щель

так встанем же грудью за время своё
и смело пойдём мы за власть за сове-
соснора что гимны слагает сове
уютное гнёздышко в луже совьёт

пока кучерявкин кудрявый плывёт
по облаку небом и наоборот
лапидуса скары и шкары надев
поэт он уже не взирает на дев

а только на дело на тело увы
какими-то лаврами где-то увид
увенчан увенчный кривулин гонвом
над ним в облаках проплывает гюго

и время настало тупых топоров
какими порубано много голов
храм высится взорван но многоголов
и многоглаголив хурман топоров

и гурвичи зреют и кажут прыщи
охапкина **уды** подобьем пращи
взлетят над петрополем в поле свища
москва прозябает отверстием свища

марина хвощнянская кошки плечо
мешает зело евтуху пиночет
и пинч на залупу* подсев запищит
(* на с. залупацкую? залупанина?)
и ниньо стыдливо оправит пончо

и пончики лядвей крестины пожрав
пожарники рижские* правят посев
(* пенис-и-гениталис, см.)
несётся ксантиппа рыдая и ржа
во всей своей крито-микенской красе

но фёдор михалыч кумир мой и бог
за коим скакал мелким чортом набоков
и оба сказали – я всё уж сказал
глядит не глядя в мои глазами коза

то щуплое вымя у щаповой що
наталья* пощупала в чём же тут счёт
(* медведева, земля ей, моей...)
сто тысяч зелёных графина хотят
взамен педераста кривого хуйка

прощай же джанфранко да пухом тебе
козлица останется в качестве бэ
и с титлом тряся узловатой титёй
тебя наградит незаконной дитёй

не мог ты продлить её щаповский род
поскольку имел исключительно в рот
а лесбоса фря залегла на аборт:
лимонов имел её наоборот

знакомы мне тайны зачем мне они
писать не желаю я больше о них
крестина крестина ногою моргни
ты тянешь в россию меня как магнит

но лень мне восстать и не встанет боюсь
какой-то там гройс и какой-то там бойс
и каждый по своему наг и убог
как текст и тестикулы текста б.г.

и лотман опущен в безмерную пасть
возьму я твою безразмерную в пасть
поскольку неведом ея мне размер
на каждую гайку есть некто с винтом –

– резью, разумею – не в рифму творя
гоню я заведомый не товарняк
объятая крыльями нетопыря
встаёт красным задом на запад заря

какой-то там зорин из эргэгэу
состряпал кошерное пригов-рагу
кибиров рашидов и сам зульфикар
на гульфиках – тчк. – тире – зпт.

зачем меня нилин /не надька!/ достал
зачем кулаков растелил дастархан
дехкане ликуют – и вдосталь досталь(?)
который в тарусских страницах застрял

всё в прошлом всё в прошлом – шепчу я дыша
уже не купить мне пучок ландыша
л.б.* что лобок своей лавандой душа
в нью-йорк приезжала – дала? – ни шиша
(* не лиля юрьевна, а л.б.п.-у.,
коей “набережная 1766”, см. по жел.)

седая и строгая дама в пике
носила суровый с плечами жакет
в “джерузале пост” и каком-то листке
ея помянули – оне в высоке

осталось для пули местечко в виске
пульсирует жилка – в тоске по соске
крестины людмилы надежды и жэ
на кой повторять примелькавшийся жест?

умрём мы без пули умрём на столе
но чистую скатерть сперва постелив
в постели не в кайф и надев постолы
мы вслед достоевскому все поспешим

возропщем /на бога?/ на светскую власть
на власть на советскую коей мы всласть
наевши не то что мозоль но брюшко
крестина на завтрак французский бриошь

на чём закругляю свою пустоту
восславивши фистулой надьки писду
молочной сестрицы и съев порося
мальцом босоногим бежать по росе

прощайте друзья и товарищи все
тоска солитёром мне сердце сосе
лежу одиноком неухожен в овсе
и вове мне вовси промолвит: “с’est la vie”

она продолжается...
даже во сне

(177 января 1994/5?/
в ожидании,
и 26 июня, по уходе)

***

Особенно в мире,
где окончательно и бесповоротно,
везде и во всем,
слева и справа,
сверху и снизу
изо всех возможных
строев, религий, учений
побеждает цинизм, –
не фокус
в своей отдельно
взятой жизни
быть целенаправленным
циником.

Диссидентство,
безумство,
salto mortale –
любить.

11

Одиннадцатое число:
две арабские единицы –
две единицы арабской техники,
римское «два» исполинское:
второе руша тысячелетье,
в двери и окна
влетело третье.
Такой день выпал:
дабл-элл –
дабл-эппл –
попал
сразу в два яблочка
(«большое яблоко» – Нью-Йорк –
такое большое,
одно как два –
надкушено да брошено
(эх, яблочко,
куда ты котишься?..)
сотни сот
офисов-сот,
доставших до
поднебесных высот.
Гигант-магнит,
как скрепки и кнопки –
канцелярскую мелочь
да всякую сволочь, –
притягивает самолеты.
Ходули,
с которых в два счета
огромный бегущий город сдули.
Два акселерата,
вавилонянина-небоскреба,
рухнули скоро скорбно.
A people – peoples
(народ – народы),
спокойно спускаясь этажей с сотых,
жали на кнопки –
не лифтов –
телефонов сотовых:
I just call to say:
«I love you!»
Don't worry!
Be happy!
Nothing terrible
will happen.
Something terrible
already has happened».

***

Продавщица с продавщицей
(ангельски-сестрински-докторски-белые),
что сошлись в продуктовом
на углу,
как две улицы,

Литейный и Пестеля,
всегда поговорить готовые:
«Перестреляла бы, если бы
пистолет был –
ни одного б не лечила – не пестовала:
утром еду с окраин
в троллейбусе битком набитом –
лица у мужиков
такие тупые, гнилые».
А сама
на гильотинке настольной
нарезает колбасу докторскую.

***

В отдельной квартире
в семейном кругу
за чаем горячим
сидишь напряженно,
как телеэкран
бьют вдребезги,
рвут в ключья
огнедышащие молодчики
из дальних стран.
Но час уже поздний:
звук уменьшаешь –
а шум нарастает,
кажется даже:
исходят матом
за дверью мягкой,
обитой ватой,
и вот нелепость и окоlesiца –
летят перекрытия,
рушится лестница
марш за маршем
под железобетонным маршем,
которому в такт
в тебе
вздываются волны протеста,
и ты,
оставляя дымящийся чай,
рвешь с места
в промозглость, расхлябанность,
слякоть и дождь –
на антифашистский
митинг идешь
и там выступаешь
с бичующей речью...
За мир спокоен,
собой доволен,
домой – в тыл:
как раз твой чай
не слишком горяч,
не слишком остыл.
...А сын
где твой? –
тот, другой –
подросток тонкий,
теми растоптан?
или под окнами
с ними протопал?
Но ты уже в тапках,
и плащ снял,
и пере-
ключен
на другой канал.
Коварен кровавый
вирус чумы
коричневой:
первый симптом ее –
безразличие,
хотя бы к одной
отдельно взятой
(от тебя не отдельной)
жизни, –

защелкнувшее
дверным запором –
автоматным затвором.
Своей рукой
в себя
ты дверь им открыл,
шум из тебя доносящихся маршей
страшен,
сколько ни всовывай в уши ваты.

***

Через раз
из-за визы видимся,
в остальных разы –
проездом,
и зови не зови –
нет как нет...
Две скамьи визави,
ты и я – тет-а-тет
(ты и я –
не мы)
на Марсовом жестком плацу
под вечным огнем
июньского солнца.
Красные, синие, белые полосы
проносятся по лицу
от его всполохов.
До Елисейского –
трамвайная остановка,
до Елисейских –
один перелет,
да попала я
в переплет
деревянных пальцев скамеек –
не уютная лодочка рук –
баркас
днищем в дно врос,
зияет каркас,
жизнь моллюском
в межреберье вплюснута,
сколько бы в нем
ни выстукивал SOS,
сколько бы глотку –
душу
ни драл, ни орал, –
море допуста выпито,
суши безбрежность,
воды – ни слезинки,
Арал...
Ты едва пробежал
поле Марсово лётное,
от земли оторвался,
прорвался за облако плотное,
а уже внизу погружены в кузова
скамьи и кусты –
муляжи, декорации:
«ПАРК НА РЕСТАВРАЦИИ»:
на каждой травинке,
на каждом
из брошенных слов –
корсаж лесов.
Ты не знаешь французский,
но твердишь, как в молитве:
«Alas! Alas!»* –
отвергая возможный упрек.
Пять минут
до французского консульства.
На ветру на французские
русские флаги
сильнее похожи:
те же полосы,
только порядок другой,
да лежат поперек.

* Увы! Увы! (фр.).

ТОЛЬКО ЗДЕСЬ**1. РУССКАЯ СКАЗКА**

Направо пойдешь – пропадешь,
налево пойдешь – пропадешь,
прямо пойдешь – пропадешь.
Вперед, богатырь, едрена вошь!

2

Никуда не хочу уезжать
корни здесь
ветви ствол
в СПб
на Чайковского-стрит
где рожден
где под боком
ГПБ
КГБ
только здесь и могу говорить
что угодно душе
ибо есть что сказать
накопилось прорвало течет
кровь из жил
только здесь
так просторно душе
так свободно

3

Всю жизнь
боишься что-то потерять
пятерку денег
шариковую ручку за полтинник
записную книжку
связку ключей
но придет минута
враз потеряешь
все это
и жизнь в придачу

4

Все отшумело жизнь ушла в квартиры
и лишь секунды
материализуясь в капли
из крана падают гремя
Здесь нет особо свежей мысли
зато есть наблюдение над жизнью
и эти строки ценны только тем что
пишутся ночью
когда вся жизнь ушла в кровати
ушла в перины
и только счетчик-молодец
отщелкивает ватты
пока сижу на кухне
согнувшись над черновиком
и жгу электросвет

5

Переулочки и проспектищи –
это контрасты Москвы,
но это и мои контрасты:
брожу по своим широким проспектам
в шуме и давке;
отдыхать ухожу в свои переулки,
узкие и пустынные.

6. ЛАМЕНТАЦИИ

Куда-нибудь пойти к кому бы завалиться
встряхнуться хочется не хочется
о чем-то говорить курить зачем?
пойти по улицам толкаться
торговцами беззлобно возмущаться
ларьки точно грибы растут
раз – там раз – тут
Ах все печально все прощально
жизнь вьется в руки не дается
зарплата жалкая заплата
на рубище певца
(к тому же мужа и отца)
все это трогает и жалит
зачем нас матери рожали?
чтобы включились в общий бред
в стране которой нет?

7. ВИСОКОСНЫЙ 1992-й

Мало еды на полях уродилось
засушливый выдался год нехороший
горели леса на Руси
торфяники тлели
народ голоднее стал жить
и страшась
больших еще голодов
злобиться начал яриться
виновных искать
по привычке
еврея в разрухе винит
татарина и армянина
татарин же и армянин
чеченец якут украинец
«старшего брата» чествят
шакальи пришли времена

8

Не хочу сорок лет бродить по пустыне,
ведомый новоиспеченным Моисеем.
Мне ведь столько прожить все равно не удастся.
Так зачем же слоняться по мертвым пескам,
мутной водой утоляя жажду,
пресной лепешкой по карточкам – голод?
Только затем, чтоб очиститься?
Или землю от себя очистить?
Да разве новые поколения будут лучше нас?
Мы ведь несколько не лучше прежних!
А потому спасибо тебе, Моисей, за заботу,
но эта очаровательная идея не для меня.

ИЗ ЦИКЛА «ВПЕЧАТЛЕНИЯ»**1. БОМЖ**

В мусорных урнах на Невском
есть пожива есть
пивные бутылки окурки
дорогих сигарет
иногда попадет ботинок что надо
жаль парного не отыскать
а то бы сменил свои
развалившиеся мокасины

2. НОВОРУССКИЙ ЕВРОСТИЛЬ

Мирокон мирокон мирокон
мирдверей мирдверей
мирванн
мирнирван
мирпараш

3. ЗВОНОК**НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ РАДИО**

11 августа 1999 г. в 18.43
Я инвалид Отечественной войны.
Плохо хожу.
Хожу на Ситный рынок
на Петроградской стороне.
А дело вот какое:
трусов нигде не купишь.
Фабрика «Красный подштанник» –
она еще существует?
или нет уже?
Нигде не купишь трусов

4. ПАСХА

Христос воскресе
президент воскресе
теневики воскресе
всяк новорусский вор воскресе
убитый на войне в Чечне воскресе
всяк суший баба ли мужик воскресе
и мой эрдель-терьер воскресе
и твой сибирский кот воскресе
любой желающий воскресе
кто сам того захочет
Аминь

5. ШЛЯГЕР 90-х

нет средств
нет средств
нет средств
нет средств

нет средств нет
средств нет средств
нет средств нет
нет как нет

нету средств
никаких
вовсе нет
ну совсем

нет средств
нету средств
нетути
нетушки

нет и не будет
откуда им взяться
не будет увы
не надейся не жди

нету средств
нету средств
нету средств
нету средств

**Разные записи
(«Записная книжка»)**

18–19 июля 1966

Роман в стихах*

1. Вова
2. Головоногий Моллюск
3. Пыжи
4. Штой-то таинственное
5. Прохор
5. Про то, как дом на углу Ражьежжей стоял
7. Серёжа
8. Драгунское собрание
9. Собравшийся офицер
10. Тайна рокового гальяона
11. Жопа
12. Пятка отставного старичка Минкина
13. Кургузый мужичонко и евонное тётко
14. Василий
15. Сундук старого слесаря
16. Сундук старого слесаря (*продолжение*)
17. Яйцо

Часть вторая

1. Брюква
2. Пилявчики
3. Розовое имение
4. Воробейная осторожность
5. Утюги
6. Рукопись, найденная в кувшине
7. Обладатель брючного ремня
8. Мотовило
9. Кто убил Иннокентия Блядиса?

Часть третья

1. Латышский стрелок
2. Желтая пресс-папья
3. Пуговица; чья она?
4. Взгляд в прошлое
5. Блудливый тракторист
6. Маленький барабанчик с приделанной к нему осьмушкой
7. У «Индюка»
8. Красивая физиономия
9. Бравая осьминожка
10. Веснушчатый мертвец
11. Любопытная карело-финская частушка
12. На яйцах
13. Китайчонок Ли
14. Конец обкусанного ногтя
15. Фараонская булка
16. Хлебный злак
17. Чечевица
18. Иностраннный португалец
19. Тётя
20. Что можно извлечь из недоеденного охнарика
21. Что можно извлечь..... (*продолжение*)
22. Что можно извлечь..... (*продолжение*)
23. О том, как электрический локомотив помял картуз Прохора Кузмича

Эпилог

16 августа 1966. Сочи

<Сочинения>*

1. *Стихи*
«Копила старушка дерьмо...» (*баллада*)
«Жопа вместо лица и лицо вместо жопы...» (*сонет*)

2. *Поэмы*
Онуфрий
Роман в стихах
Последний шевяшок
Говна не утаить
Картонч. двустушия

3. *Драмы*
Котовращение
Смерть Войцеховского
Сцена из «Фауста»
Секомая Жопа, или он же Хуёжик
Альтшулер умирает сидя

4. *Проза*
Говно и лето
<Путевой дневник>
Пословицы и поговорки

5. *Статьи*
К вопросу о жопочничестве

***

Эрль в фотодокументах и воспоминаниях современников (*сб. статей и фото*)

29 января 1968

По моим подсчётам, некто, возжелавший просидеть в сортире столько, сколько просидит там средний статистический человек за свою среднюю статистическую жизнь, должен был удалиться туда ровно в 24 часа 00 минут 31 декабря 1967 года и выйти оттуда без четверти семи утра 16 августа 1968 года.

31 декабря 1968

Мы говорили друг с другом молча. Мы только смотрели. Но взоры наши были красноречивее Цицерона.

Увы! — оказалось, что мы были поняты не так, как хотелось бы...

Июнь 1972

Плакат в больнице Скворцова-Степанова.

В Большом зале
по субботам в 15 часов

ШКОЛА ТАНЦЕВ

помните,
что научиться
танцевать
никогда не рано
и никогда
не поздно.

Танцы — искусство,
доступное всем.

Педагоги из МЭО

4 октября 1972

А.П.Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 9.
М.: ГИЗ, 1963. Страница 177, строки 18 и 19.
<Письмо Н.И.Николаеву; отправлено 8.10.1972>

26 июля 1973

— С сегодняшнего дня ты будешь есть то, что дадут, и не посмеешь выбирать изо рта рыбы кости! — кричал отец.

25 августа 1973

Служба. Валюнчик нюхает сметану.

28 октября 1973

Предисловие (с оговорками: «я, недостойный», «не имея отношения», «измени вкусу»... «ошибки... тайны»); включает стихи, которые, собственно, и есть предисловие.

20 декабря 1977

Дверь моей комнаты открывается на северо-запад, окна выглядывают на юго-восток. Спать я буду ногами на юго-запад, а головой к северо-востоку.

* Совместно с Дм.М.

САМИЗДАТ

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

ПОЭТ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЛАВА ЛЁН

Есть поэты, которые словно бы и не проходили стадию ученичества, поэты, у которых нет черновой версии: все написанное – беловик. Стихи Лёна возникли в конце пятидесятых с уже сложившейся эстетикой, иронической патетикой, лишённые лирической патоки и выделений слюнных желез. В одном партикулярном платье человеческой особи уединились последний сентименталист, произошедший прямо от Карамзина, автор дружеских посланий и посвящений, сродни державинским, но адаптированным к бронзовому веку русской словесности, и дерзкий потомок обериутов, не обещавший прародителям ни покорности, ни сыновнего послушания. Результатом этой схлестки генов явился автор Нового Русского Эпоса – жанра, где соединились обериутская игра смыслами или полисемизм, великолепное оглупительство едкого на уподобления философа и виртуозное верчение словоподобьями, может быть перенятое у Крученых, но принятое как законное наследство. Странными путями идет история новой русской литературы – так ходит подвыпившая девка, дурковато открыв рот и заглядываясь на зашедшихся в кураже, её тянет туда, откуда крик громче. Большой русский поэт со своим словарем, стилем и редкой среди поэтов не заемной свободой суждений, помноженной на высокий пафос и истинный лироэпический дар, – Слава Лён существует в этой истории особливо: так должно быть чувствовал бы себя Карамзин, написавший «Историю Государства Российского» и приглашенный на студенческий семинар. «АКТ» продолжает знакомить заинтересованного читателя с некоторыми страницами нашей литературы.

Тамара Буковская

НОВАЯ АНТИМОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА

Некто захотел быть похороненным на Красной площади. Нет проблем, сказали ему, приходите завтра, ни днём позже. Этот анекдот впервые услышал от московского поэта Славы Лёна. Слава Лён с целеустремлённостью скульптора Мартоса создал поэтические надгробья многим поэтам (Бродскому, Величанскому, Сапгиру, Губанову и т.д.), художникам, общественным деятелям. Кто-то, скажем, и теперь не прочь бы попасть к нему в Пантеон, но условие – приходите завтра – останавливает. Поэты находят материал для творчества в любви, созерцании природы, житейской необустроенности. Муза Славы Лёна глобальна, с широким эпико-политическим охватом. Тем не менее – это не официоз, а по известным причинам – почти андеграунд. Виртуальные монументы поэта не делались по заказу и, собственно, не стояли на площадях, чтобы потом, за ненадобностью, быть свезёнными в парк на Крымском валу. Собранные в одной книге («Могила Бродского»), они образуют грандиозный памятник уходящему времени. То же можно сказать и о его посланиях (см. ниже).

В.М.

ПОСЛАНИЕ К ЛЕОНИДУ ГУБАНОВУ В БУТЫРКИ

Со времён Архимеда
плавает то, что не тонет.
Плакать ли, выть ли белугой —
важно не спутаться в тоне.
Стакнуться с Музой, уважив её, —
счастья толику
Время допустит, но — бах! —
тут же собьёт с панталыку.
Лучше забыть про гусиные перья —
гусиная кожа!
Дует из белого —
в клетку, в горохи —
окошка.
В юности римской
тюрьма сквозняком докучала. —
Стоило столько сидеть,
чтобы всё начиналось сначала!
Пусть не бумагу,
берёсто дадут,
восковые таблички.
Звуки поднесь не заботит
их буквенное обличье.
Даже стена подошла бы для дела —
не выклянчить уголь.
Пятый — за тысячи лет — не отыщешь
спасительный угол.
Выдаст лопату, перьев взамен,
сердобольная стража,
Чтобы поэт не тужил
и, бедному, не было страшно.
Голову спрятать осталось
у пояса в складки Эвтерпе,
Коли тюрьма пустоты —
как природа — не терпит.

17 апреля 1966, Сокол

12

**ПОСЛАНЬЕ К КОНСТАНТИНУ
КУЗЬМИНСКОМУ МИМО ДОМА**

Оклемается дом беспечный,
Безоконный —
                                дурак-закон,
По какому с плеча приспешник
Буквы
                                рубят дверь под замком.

Потому по-чёрному топик
Понятой
                                междворок-котят:
Что идёт от валенок топот
По земле —
                                хотят не хотят! —

Что стоит печальником время,
Впопыхах угодив в оклад
В долготоме углубу,
                                и бремя
Образов — домашний уклад.

Лебезят присяжные ели
За окном —
                                натоплена печь:
Двери настезь на самом деле...
ОПЕКАТЬ —
                                ДОПЕКАТЬ —
  УПЕЧЬ!

10 января 1966,
Питер

ПОСЛАНЬЕ К АЛЁНЕ БАСИЛОВОЙ

*Этой женщине с кожей тоненькой,
Этой женщине из изгнания
Будет гроб стоять в пятом томике
Неизвестного мне издания.
Леонид ГУБАНОВ*

Наперсница, увь! — к чему же вот
Пришли мы накануне ворожбы,
Наперебой биясь не на живот
За родину по ягоды-грибы.

В анаколуфах душу закалив,
Дрова рубили головы подчас.
Игрушки Переделкина и — клиф
Речёнки, набекрень и подбочась.

Могилы дорогие! — Пастернак
И три сосны, в которых заблудясь,
Мы уходили по стерне — и знак
На каждом был: Весы, Стрелец и Язь!

Привет тебе, каляевский постой,
Где падежи — подобие стропил,
Любой залог как потолок — пустой!
Тогда ещё Алейников — не пил!

Спрягали и склоняли напролёт
Крещенье к масленице и ещё —
До Пасхи сочиняли вертолёт
К Олимпу за спиной через плечо.

Варили кофе заполночь. Сидел
Губанов, как обычно, на губе.
А Холин патетически седел
И — юная с ним девушка на «б».

Так долго вместе прожили, что вновь
В грамматику ввели и "ять", и "йот",
С Губановым покончена любовь,
А главное — Алейников не пьёт.

Зато кровати — павловский амбир,
Наборный столик, кресло а ля русс.
Пускай уже не пиршество, но пир! —
Хотя судить — не видел — не берусь.

Я свой тулуп, Алёна, распорю —
И тем поставив дело на поток —
Из области пушнины к декабрю
Цветок тебе махровый подарю.

5 мая 1974,
Каляевская

**ПОХОРОНЫ АЛЕКСАНДРА
ВЕЛИЧАНСКОГО (1940—1990)**

*Стыд, сострадание, благоговение перед Ним...
Владимир СОЛОВЬЁВ*

Всё больше похорон! —
  всё реже
БЛАГОГОВЕНЬЕ — СОСТРАДАНИЕ — СТЫД...
Калёный — на язык! — орешек:
"Где стол был яств —
  там гроб стоит".

Таит Филипповская церковь
Подвох.

Кремлёвские часы
Привычно врут — моя оценка
Мрачна.

Но помыслы чисты.

Увечно не придёт машина.
Прощайте, батюшка! — тропарь
Не тот.

Не тут.
                                Возни мышиной
прах, но —

не зарастёт тропа...

Благословенный дождь оттуда!
Но слишком плотный —

из ведра

Да в ведро Спаса! — эка удаль
И невидаль:
                                дыра одра.

Родная яма недр.

Ограды —
В отечественный рост.

Пасут
Старухи строй — чего? —
                                не рады

Соседу слева. —
                                Страшный суд!

Но людям не грозит простуда,
Покуда греет,

                                горяча,
Неугасимая — оттуда! —
Ерусалимская свеча.

...Гроб на грузовике.

                                Не гравий
И не песок — везли урон! —
И ни единой
                                фотографий

С мемориальных похорон.

10-12 августа 1990,
Покровка

**БАСНОСЛОВНОЕ ПОСЛАНЬЕ
К ГЕНРИХУ САПГИРУ**

Чернил переведя
реку,
                                карандашом
ты волил сметь стихи
писать на матерьяле
льняном

рубашек

                                карт,
где дамы нагишом,
валетом возлежа
с хореом,

                                укоряли
поэта за игру
словами языка
любви

                                к природе ли-
анозовских бараков
тщеты и нищеты,
шалавы и ээка,
убийств и грабежа,
и — драков,

                                драков,
  драков

за попросту Добро,
какое с кулаком
милищёнера, как
твердит соцреализм —
единственное на.....Земле
учение,

                                в каком
и светлое грядущее,

                                и без коллизий
сегодняшнее ТО,
ЧЕГО НЕ ЖДАЛ НИКТО

20 ноября 1957

**СУХОЕ ПОСЛАНЬЕ К БОРИСУ
КОЗЛОВУ**

Твоя рука длиннее, чем моя,
На полстакана очевидной водки:
Со школьной замещаема скамья
На — подсудимых, коли по наводке.
С Лубянки до Настасьинского — ёж
твой корень! — по-нечеловечьи рядом,
И посему, орудя снарядом
Гранёного стакана, — запоёшь!
В твоей руке ямщичья возжа!
Ты ею водку гонишь по пригорку,
Когда богооставленность вошла
На родине несчастья в поговорку.
Из-за длины широкого окна
Затворнику дано увидеть Сад
Небесный и — другие времена,
К которым мы ещё придём назад...
Мы учимся точить карандаши,
Чтоб не чинить технических помех
Прямому изложению души —
Бумаги мимо и холста поверх.
Как половицы потолки пусты,
Поскольку закоесли в русском духе.
Я думаю, в природе пустоты —
Излечивать телесные недуги.
А пережить дурные времена —
Удачливости истинная мера,
И потому согбенны рамена
Гостей в дому счастливого примера

21 апреля 1972